

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>
EDN: МЕНТДК

Научная статья / Research article

Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг.

Альфия Габдульнуровна Галлямова , Ильнара Ильдаровна Ханипова
Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
 ihanipova@mail.ru

Аннотация: Анализируется культурная составляющая социальной жизни касимовских татар в межвоенный период, суть которой сводилась к реализации культурной революции, которая наряду с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства в середине 1920-х гг. была объявлена важной частью трехзвенной программы социалистического строительства. Цель заключается в установлении особенности поведенческого паттерна касимовских татар указанного периода. Источниковая база основана на материалах периодической печати и эго-документах. Показаны условия и реалии «перековки сознания», борьба с пережитками прошлого, сводившаяся к попыткам искоренения религиозных культов и обычаев у касимовских татар. Раскрыт уровень развития, преемственность, специфика локальной трансформации в важнейшем сегменте культурной сферы – образовании и просвещении. Авторы пришли к выводу, что касимовские татары на крутом повороте истории в 1920-е гг. проявили энергию и волю, чтобы стать «равными среди равных» народов, как это декларировалось на официальном уровне. Пытаясь сохранить собственную идентичность, они проявили и свойственный им этатизм, приняв и активно участвуя в преобразованиях в рамках реализации задач культурной революции.

Ключевые слова: татарская культура, национальная идентичность, Касимов, Рязанская область, советская культурная политика, этнические меньшинства

Благодарности и финансирование: Авторы благодарят уроженцев и жителей г. Касимова, дд. Толстикovo, Ахматово, Царицыно Касимовского района за оказанную во время экспедиции поддержку и информацию об истории своих деревень.

Для цитирования: Галлямова А.Г., Ханипова И.И. Касимовские татары в годы культурной революции в СССР: по материалам региональной печати 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>

Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s

Alfiya G. Gallyamova , Inlana I. Khanipova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
 ihanipova@mail.ru

Abstract: The authors analyze the cultural component of the social life of the Kasimov Tatars in the interwar period, the essence of which was the implementation of the Cultural Revolution. Along with the industrialization of the country and the collectivization of agriculture in the mid-1920s, it was declared an important part of the three-tier program of socialist construction. The purpose is to establish the peculiarities of the behavioral pattern of the Kasimov Tatars in the period under review. The source base is the mate-

rials from periodicals and ego-documents. The study shows the conditions and realities of the “reforging of consciousness,” the struggle against the remnants of the past which boiled down to the attempts to eradicate the religious cults and customs of the Kasimov Tatars. There is revealed the level of development, continuity, and specificity of local transformation in the most important segment of the cultural sphere – education. The authors come to the conclusion that at the sharp turn of history in the 1920s the Kasimov Tatars showed energy and freedom in order to become “equal among equal” peoples, as declared at the official level. Trying to preserve their own identity, they also showed etatism peculiar to them accepting and actively participating in the transformations as part of the implementation of the Cultural Revolution tasks.

Keywords: Kasimov Tatars, Tatar culture, identity, memory preservation, Ali-bek Kadyr, Kasimov, Ryazan region, Soviet cultural policy, ethnic minorities

Acknowledgements and Funding: The authors thank the natives and residents of the Kasimov city, the villages of Tolstikovo, Akhmatovo, and Tsaritsyno of the Kasimovsky district for the support provided during our expedition and for information about the history of their villages.

For citation: Gallyamova, A.G., and Khanipova, I.I. “Kasimov Tatars during the Years of the Cultural Revolution in the USSR: On Materials of Regional Press of the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 62–73. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-62-73>

Введение

Актуальность. В 70-летней истории советского периода тема этнокультурных процессов занимает одно из видных мест. Обращение к ретроспективе локальной группы второго по величине в Российской Федерации татарского этноса – к касимовским татарам, весьма своевременно в контексте практико-политического дискурса о них. В июне 2022 г. был открыт памятник легендарной татарской царице Сююмбике в г. Касимов, где она провела последние годы своей жизни. Это событие вызвало негативную реакцию со стороны определенных кругов общественности, предпочитающей говорить о прошлом региона, связывая его только с Мещерским краем. Подобное отношение явно прослеживается в статье С.О. Савина, которого не устраивает, что в развивающемся сегодня туристическом континууме уделяется достаточно серьезное внимание «мифотворике», как он выражается, столичного статуса города¹.

Такая интерпретация прошлого г. Касимов обусловлена проводившейся в СССР национальной политикой, актуальный для данной статьи ракурс которой заключался в том, что идеологема «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры официально развивалась, главным образом, в рамках национальных административно-политических образований.

Степень изученности проблемы. Исследование истории татар в советский период императивами сверху ограничивались рамками Татарской АССР. Татарская тематика вне ее территории разрабатывалась лишь лингвистами, этнографами, археологами, фольклористами, труд которых был направлен, как правило, на изучение дореволюционного периода, то есть традиционной культуры экстерриториальной группы татар².

В постсоветское время этнографическое изучение касимовских татар было продолжено Ф.Л. Шарифуллиной³, Д.М. Исхаковым⁴, в трудах которых была проделана

¹ Савин С.О. Столица как центр государственного строительства – историческая память о столичности Касимова // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 4 (21). С. 108.

² Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. Из поездки в Касимовский уезд // Труды Общества исследователей Рязанского края. Вып. 10. Рязань, 1927; Күфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари ЦПО. К вопросу выделения областных типов и составных элементов Волго-Окской этнической культуры (Этническое наименование и элементы жилища) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. М., 1929. С. 135–148.

³ Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.

⁴ Исхаков Д.М. 1) Касимовские татары // Татарстан. 1994. № 1/2. С. 78–80; 2) Татары касимовские // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 326–327.

большая и многосторонняя работа по изучению материальной и традиционно-обрядовой культуры. Л.Т. Махмутова внесла значительный вклад в освещение лексикографии и фольклора касимовских татар⁵. Что касается современных исторических трудов, то в них рассматривается преимущественно период существования независимого государственного образования касимовских татар (1445–1681 гг.)⁶.

Характер и степень изученности данной экстерриториальной группы татарской нации получили отражение в исследовании В.В. Акимова⁷, раскрывающем изменения во взглядах на историю касимовских татар, что нашло отражение в заявленном автором послыле:

Касимовские татары, хотя по воле судьбы и живут вдали от Татарстана, не утрачивают чувства сопричастности своей нации, хранят и развивают ее культуру, стремятся ближе и полнее узнать друг друга, так как понимают, что единством и общностью устремлений жив и крепок любой народ⁸.

В работе автора рассматриваются история и культура Касимовского ханства, прошлое населявших его татар после потери им независимости. Книга дает представление также о современной жизни татарского населения Касимовского района Рязанской области, сохранившихся традициях и этнографических особенностях. Практически не исследованной при этом остается советская эпоха.

Красочное, богатое фотоматериалом издание «Тени Касимовского ханства» московских историков М.А. Сафарова и Р.В. Абянова визуально воссоздает уцелевшую на сегодняшний день историю касимовских татар⁹. Содержание книги основано на материалах «oral history»; освещение советского периода в нем носит лапидарный характер, раскрываются в основном связанные с судьбами отдельных людей фрагменты периода коллективизации и сопряженной с ней внутренней миграцией. В публикациях М.А. Сафарова, Э.М. Сеитова, Р.В. Абянова затрагиваются также вопросы мировоззренческих позиций касимовских татар, этнокультурных контактов и взаимовосприятия с русским народом¹⁰.

Таким образом, несмотря на существование определенного пласта работ, на сегодняшний день не создано комплексного исследования по истории касимовских татар в советский период.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей поведенческого паттерна касимовских татар после распада Российской империи и Гражданской войны, когда окончательно победившее большевистское руководство взялось за глобальное переустройство страны. Одними из главных стратегических направлений его явились учреждение различного ранга национальных образований, ломка старых устоев во всех сферах жизни. В духовном плане были намечены значительные меры, которые вбирало лаконичное понятие «культурная революция». Эта рецепция

⁵ Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка // *Материалы по татарской диалектологии*. Казань, 1962. Вып. 2. С. 223–235; Махмутова Л.Т. Старинная обрядовая песня у касимовских татар // *Известия Казанского филиала АН СССР*. Казань, 1957. Вып. 2. С. 217–221.

⁶ Аксанов А.В. Казанское и Касимовское ханство // *Татары*. М.: Наука, 2017. С. 147–161; Пахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.

⁷ Акимов В.В. Касимовские татары: между прошлым и будущим. М., 2004.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Абянов Р.В., Сафаров М.А. Тени Касимовского ханства. М., 2021.

¹⁰ Сафаров М.А., Сеитов Э.М. «Если откроются мечети, то кто же их будет посещать?»: Религиозная жизнь касимовских татар в 1943 году по данным отчета Г.П. Снесарева // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–348. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348>; Абянов Р.В., Сафаров М.А. «Татарская вера». Образ ислама у русского населения Рязанской области // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 310–334. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334>

была сформулирована в конце 1920-х гг., но, по сути, на протяжении всех 1920-х гг. социально-духовная атмосфера в стране была пропитана революционаризмом.

Источниковая база данной статьи представлена опубликованными документами и прежде всего публицистическими материалами региональной газеты Касимовского уезда «Красный Восход». Первоначально она являлась объединенной газетой Касимовского и Елатомского уездных исполнительных комитетов и комитетов РКП(б), позднее, с 1925 г., стала печатным органом Касимовского уездного комитета ВКП(б) и уездного исполнительного комитета. В связи с районированием с 1929 г. газета являлась представителем партийной, исполнительной и профсоюзной районных властей – Касимовского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета. В 1930 г. была переименована в газету «Коллективист», а с октября того же года стала называться «Большевицкий путь». С 1934 г. при газете стали выпускать специальную страничку на татарском языке.

Сохранение исторической памяти и «перековка» сознания

В 1920-е гг. полная непростыми коллизиями в этот период борьба татарской общественности Касимовского уезда за самостоятельное существование своего национально-административного образования была тесно связана с апеллированием к истории некогда могущественного Касимовского ханства. Обнаруженные в ГАРФ письменные индивидуальные и коллективные обращения в самые различные официальные инстанции часто начинались с подробного изложения истории образования Касимовского ханства, доказывая исконность проживания татар на касимовской земле¹¹.

В послереволюционных условиях энергичные действия татарской общественности г. Касимов по сохранению исторической памяти проявлялись в музейном сегменте. В открытом в начале 1920-х гг. Касимовском музее оживленная работа велась Мусульманским подотделом. Главная заслуга в этом принадлежала татарскому населению города и уезда. «Редкий день в музей не поступают ценные пожертвования мусульман»¹², – говорилось в одной из газетных заметок. Несмотря на нехватку средств, немногие экспонаты – украшения, сосуды тканые изделия были приобретены самим музеем.

Задачи аккумуляции предметов повседневной жизни и быта касимовских татар были поставлены не случайно. Уже тогда современники отмечали, что «мусульманскому костюму грозило исчезновение». В силу ряда причин, сложившихся еще до революции, в том числе массового оттока касимовских татар на работу в Санкт-Петербург, Москву, влияния буржуазных новаций, национальная одежда выходила из употребления у местных жителей, поэтому ее продавали мусульманам соседних Тамбовской и Симбирской губерний¹³. В большей степени элементы этнической культуры в советские годы сохранялись в традиционной повседневной и праздничной пище касимовских татар – бляшиках, лявахах, жареных пирожках, розочках и т. п.

Проявляя уважение к великому прошлому, касимовские татары вовсе не цеплялись за ушедшее время. В новых реалиях они пытались найти свое место, в особенности это касалось молодежи. Ценным источником, позволяющим понять настроения и предпочтения молодых касимовцев-татар, являются воспоминания К.М. Симакова, 1904 г.р., сделавшего головокружительную карьеру, завершив ее в должности Председателя Госплана Казахской ССР. До революции Каюм Симаков

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 43. Л. 5.

¹² Р.К. Касимовский музей // Красный восход. 1923. 24 июня.

¹³ Отчет о деятельности уездного музея Касимовского УОНО за февраль месяц 1922 года // Фонды Касимовского историко-культурного музея-заповедника.

успел поработать помощником у дяди в симферопольском ресторане, сразу после революции он, как и многие татары, вернулся в деревню. И здесь, взрослея и наблюдая перемены, происходившие в социальной жизни, работая на благо семьи, молодой человек стал искать другой интерес: «долго, мучительно долго путался в своих ответах, вступал сам с собой в противоречия»¹⁴. Сначала была мысль укрепить свое хозяйство, сделав его обеспеченным, продуктивным. Обратил он взор и в сторону «буфетного дела», которое в годы нэпа на короткое время получило второе дыхание у касимовских татар, славившихся до революции по ресторанно-гостиничной части.

Но в конце концов его прельстили примеры революционеров А. Тукузина, ставшего секретарем Касимовского уездного комитета ВКП(б), и В. Худайбердеева, секретаря партийной ячейки Татарского волостного управления. Молодой Каюм, подражая им, занялся самообразованием, читая газеты, интересуясь политической информацией, общаясь с комсомольскими активистами. Интересно отметить, что желание Каюма стать комсомольцем поддержал отец. Здесь хочется остановиться и подчеркнуть, что М. Симаков, отец Каюма, которому «новая власть не была по душе», но который желал благополучия сыну, посоветовал ему искать свой путь именно в новом формирующемся мире. «В 1923 году, – пишет К.М. Симаков, – в возрасте 19 лет, я стал комсомольцем, что определило мой новый образ жизни...»¹⁵.

Вступление в ряды комсомола повлияло на жизнь многих представителей татарской молодежи. Организационное оформление ячеек РКСМ по Касимовскому уезду активизировалось в 1924 г. Тогда одновременно целая группа инициативных ребят из с. Царицино написала заявления с просьбой о вступлении в комсомол. Для организации комсомольской ячейки в деревню был направлен инструктор¹⁶. Вслед за царицынской была образована татарская ячейка РКСМ в с. Болотцы, которую газета называла самой молодой «по стажу» и нуждавшейся в руководителе¹⁷.

На 15-й Касимовской уездной партконференции, состоявшейся в 1929 г., отмечалось, что в Татарской волости для работы среди национальных меньшинств имелись ячейка РКП(б) и две ячейки РЛКСМ. Судя по газетным сообщениям, они играли решающую роль в выполнении задач культурной революции¹⁸. Комсомольцев направляли в деревни для проведения агитационно-разъяснительных работ, создания красных уголков, налаживания выпусков стенгазет, организации спортивных и драматических кружков, проведения коллективного чтения газет для колхозников и т. п.

Инициативой отличались комсомольцы Торбаевской ячейки, проводившие разъяснительную работу среди сельчан в период выборной компании. Помощь комсомольцам оказывали пионеры, разнося повестки избирателям, занимаясь детьми колхозников во время отчетных собраний¹⁹.

Борьба с религией

Коренная перестройка культурной жизни была тесно связана с изменениями в идеологической сфере. Как важное направление ликвидации культурной отсталости и формирования нового человека рассматривалась борьба с религиозным мировоззрением.

¹⁴ Симаков К.М. От былого до нескончаемого настоящего... Книга воспоминаний. СПб., 2017. С. 227.

¹⁵ Там же. С. 230.

¹⁶ С-в. Пробуждаются // Красный восход. 1924. 17 июля.

¹⁷ Ребята, подтянитесь! // Красный восход. 1924. 17 июля.

¹⁸ Комсомольцы Татарской волости организовали 5 отрядов // Красный восход. 1929. 27 июня; Гиблицкие комсомольцы за культурную революцию на деле // Коллективист. 1930. 30 августа.

¹⁹ Муратов. Перенимайте этот опыт // Большевицкий путь. 1931. 15 января.

Антирелигиозная деятельность в отношении мусульман г. Касимов стала отчетливо проявляться в конце 1920-х гг.²⁰ Выступая против традиционной для мусульман Уразы, высмеивая сельчан, державших пост, характеризуя мечети как «контр-революционные гнезда», под влиянием которых колхозники и бедняки заставляли держать уразу 10–13-летних детей, современники констатировали, что за десятилетие советской власти среди татар Касимовского района начали рушиться религиозные устои²¹.

Тесно связанная с внедрением нового сознания, культурная революция сопровождалась уничтожением традиционных повседневных религиозных ритуалов касимовских татар. Очевидец писал, радуясь успехам нововведений:

Это было там, где сравнительно недавно правверные славили аллаха. Представители молодого татарского населения, кого еще мало исковеркал шарият и т. п. религиозные обрядности и обычаи организовали клуб. Клуб готов. На сцене учащиеся татарчата говорят о своей готовности перестроить старую деревню на новую, коллективную²².

Призывы к радикальной трансформации мировоззрения, формирование атеистических взглядов в обществе сопровождалось мощным давлением на религиозных деятелей, вынуждая последних отказываться от своих позиций. Так, бывший мулла второй мечети г. Касимова Ф. Баширов через газету объявил сложении с себя сана, «признавая», что «проповедуя религию, кроме вреда не приносил никакой пользы обществу»²³. Аналогичное письмо в редакцию прислал бывший мулла с. Подлипки К. Ширинский:

В течение 11 лет я носил звание муллы и отправлял связанные с этим обязанности религиозного культа при селе Подлипки. Но я убедился, что религия является по своему существу дурманом для народа. В настоящее время я не желаю более обманывать своих сограждан и бросаю сан муллы навсегда. Сложив с себя сан муллы прошу меня впредь в рядах обманщиков не числить²⁴.

Активизировалось давление и на учителей-татар, которые отказывались «по религиозным убеждениям от ведения антирелигиозной пропаганды» и не участвовали в работе кружков безбожников. Несколько заметок, собранные в одном из июньских номеров уездной газеты «Красный восход» под лозунгом «Учитель должен быть активным антирелигиозником», отражали события, происходившие в деревнях и селах²⁵.

В целом, такое мощное антирелигиозное воздействие, да еще в условиях моноэтнической среды (татары составляли 0,44 % от всего населения губернии), фактически уже в первые десятилетия советской власти привели к отказу от внешних проявлений религиозных взглядов татар.

Образование

Советская власть почти с самого начала стремилась взять под свой контроль школьное образование. Учебные заведения общеобразовательного характера были переданы в ведение Наркомата просвещения. Вместе с тем революционный стиль данной сферы культуры коснулся касимовских татар в меньшей степени. В первые советские десятилетия сохранялась определенная преемственность в развитии школы.

²⁰ См., например: Булатов И. Союз безбожников должен быть превращен в многомиллионную организацию // Красный восход. 1929. 4 июля.

²¹ Нуруддинов. Против «Уразы», за колхозы // Большевицкий путь. 1931. 1 февраля.

²² Черный. Хазр бул! // Коллективист. 1930. 19 апреля.

²³ Письмо в редакцию // Красный восход. 1929. 18 мая.

²⁴ Ширинский Карим. Письмо в редакцию // Коллективист. 1930. 16 февраля.

²⁵ Акт расследования заметки «Срывают антирелигиозную работу» // Красный восход. 1929. 22 июня.

Касимовские татары отличались высоким уровнем грамотности. По данным переписи 1926 г., грамотными являлись 73,3 % касимовских татар, в то же время в среднем по Рязанской губ. грамотными были лишь 51,1 % населения. Среди касимовских татар мужчин грамотными были 73,5 %, по Рязанской губ. – 55,5 % мужчин. Удельный вес грамотных среди касимовских татарок составлял 76,2 %, по Рязанской губ. грамотными были 27,9 % женщин²⁶. По губернии на один пункт по ликвидации неграмотности приходилось около 2000 чел. в возрасте 16–35 лет, среди касимовских татар – около 100 чел.²⁷

Многие из преподавателей открытого еще в 1838 г касимовского медресе, кого застали революционные события, в советское время продолжали трудиться на ниве просвещения, прекрасно владея и татарским, и русским языком. Среди них наиболее видное место занимает С. Булатова, которая в 1910-е гг. открыла первую в Касимове школу для девочек. В 1920-е гг. она, продолжая преподавать в школах города, являлась уполномоченным Рязанского губернского отдела народного образования по Касимовскому и соседними с ним Елатомскому и Шацкому уездам. Ф. Баширова, до революции работавшая в одном из мектебе г. Касимов, затем во 2-й женской русско-татарской гимназии, в 1920-е гг., учительствовала в городской татарской школе № 5, одновременно являясь участковым инспектором нацменовского ВУОНО, с 1933 г. – преподавала татарский язык в Касимовском педучилище²⁸.

В конце 1920-х гг. газета «Красный восход» рассказала о высоком для того времени уровне развития образования среди татар благодаря прежде всего национальным школам:

Обследованием ряда нацменовских районов нашего уезда установлено, что в культурном отношении они нисколько не уступают русским. Так, например, в селе Подлипках нет неграмотных ни среди мужчин, ни среди женщин. Детское население школьного возраста целиком охвачено школами I ступени. На каждого жителя приходится одна книга и на каждый двор одна газета. Культурные запросы взрослого населения обслуживает изба-читальня²⁹.

Данные переписи 1926 г. подтверждали материалы газет. В дифференциации грамотности по возрастам, особенно в школьном возрасте, где еще сохранялись традиции дореволюционного обучения, преимущество оставалось за нацменами. Например, в возрасте 12–15 лет среди татар грамотными были 91, %, среди русских – 63,8 %³⁰.

К концу 1930-х гг. татарское население Касимовского, Ермишинского и др. районов Рязанской области полностью было охвачено обучением в начальной школе, в некоторых селах (Болотцы, Азеево, Бастаново) открыты неполные средние школы³¹.

Для подготовки кадров учителей-татар в 1930 г. при педагогическом училище г. Касимов заработало татарское школьное отделение, которое за несколько лет выпустило около 100 чел. советских учителей для начальной национальной школы. Только из Подлипок вышло более 10 учителей. На 1937 г. в педучилище учились более 20 детей татар-колхозников³².

Однако татарское отделение просуществовало недолго. В 1938/1939 уч. г. преподавание в училище планировалось вести в основном на русском языке. С этого времени, совпавшего с очередной сменой татарского алфавита, среднее специальное образование на татарском языке сошло в Касимове на нет.

²⁶ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 22.

²⁸ Материалы Ф.Ф. Башировой, учительницы татарской школы г. Касимова // Фонды Касимовского историко-культурного музея-заповедника.

²⁹ Культурная работа в селе Подлипках // Красный восход. 1929. 20 апреля.

³⁰ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 22.

³¹ Авдин П. За подготовку национально-педагогических кадров // Большевицкий путь. 1938. 6 августа.

³² Кусалеев. Прежде и теперь // Большевицкий путь. 1937. 7 ноября.

Культурно-просветительские учреждения и печать

Наряду со школами решающая роль в реализации в культурной трансформации общества принадлежала избам-читальням и клубам, главным зачинателем мероприятий в которых являлась комсомольская организация. Типичным общественным мероприятием в 1920-е гг. являлись коллективные читки газет, как почетная миссия поручавшиеся лучшим комсомольцам³³.

Периодическая печать являлась мощным средством идеологического воздействия партии на население в годы культурной революции. Активисты, рассматривая газету как важный инструмент в культурно-просветительской работе, рекомендовали народным учителям, на которых лежала миссия пропаганды и агитации, подписываться на них³⁴.

Тогда же источником информации и одновременно продуктом творчества широких масс являлись и стенные газеты. Для просвещения мусульманского населения татарской молодежью г. Касимов было принято единогласное решение издавать на родном языке двухнедельную газету «Чалгы [Коса]»³⁵. В Ахматово выпускалась стенгазета «Ударниклар [Ударники]», позднее – «Безнен куч [Наша сила]»³⁶. В этот же период поощрялось и ширилось движение селькоров, которые по сути выполняли роль культуртрегеров в крестьянской среде. Зачинателем селькоровского движения в Касимовском регионе являлся вернувшийся из армии Симаков, он же организовал и стенную газету, объединив вокруг нее наиболее инициативное крестьянство³⁷.

Круг дел, которыми занималась молодежь, собираясь в клубах, довольно полно охарактеризован в воспоминаниях К.М. Симакова. Вовлекая его в эту деятельность, член касимовской ячейки А. Давликамов рассказывал:

Будем спектакли ставить, и ты будешь играть, выпускать будем свою газету, будем ходить в город в кино, заведем свою библиотеку, в городе будем слушать лекции, и к нам будут приходить лекторы, словом будем учиться³⁸.

Работа агитколлективов развертывалась во всех населенных пунктах Касимовского района. К примеру, в Ахматовском сельсовете к концу 1930-х гг. действовало 9 политкружков³⁹. Колхозники целыми семьями вовлекались в художественную самодеятельность⁴⁰.

Существенно осложняло проведение культурной работы среди татар отсутствие нормальных условий. Представители татарской общественности взывали к властям Касимова, отмечая, что культурные запросы татар растут, но власти не могут их удовлетворить, о чем они сообщали в газету:

Раньше у нас был приличный клуб и театр, но теперь он пришел в ветхость. Своих денег на ремонт у нас нет, горсовет же от его ремонта отказался категорически⁴¹.

«Татары без клуба. Когда же его отремонтируют?» – вновь задавался вопросом автор заметки в газете «Красный Восход», констатируя необходимость срочного ремонта татарского клуба-театра «Чулпан». Отмечая высокую потребность в по-

³³ Цыбиков П.А. Комсомолец Маганов – хороший чтец // Большевистский путь. 1935. 23 апреля.

³⁴ Сироткин. Усилил подписку // Красный восход. 1924. 5 февраля.

³⁵ В. Свою газету // Красный восход. 1924. 10 января.

³⁶ Борются за действенность и грамотность стенной печати // Большевистский путь. 1938. 21 октября.

³⁷ Селькор – нацмен // Красный восход. 1929. 11 мая.

³⁸ Симаков К.М. От былого до нескончаемого настоящего. СПб., 2017. С. 230.

³⁹ Симаков. Агитколлектив Ахматовского колхоза развертывает политмассовую работу // Большевистский путь. 1938. 12 октября.

⁴⁰ С. Семья колхозника Файсханова // Большевистский путь. 1939. 11 января.

⁴¹ Татары без клуба. Не знаем где проводить праздник 1-го мая // Красный восход. 1928. 22 апреля.

мещении, отсутствие которого сказывалось на качестве культпросветработы среди татар города, он призывал горсовет «перестать тянуть волюнку» и немедленно приступить к ремонту⁴².

По остаточному принципу велось финансирование городского татарского клуба имени Нариманова, что ярко проиллюстрировала газета «Большевистский путь»:

Нацмены, приходящие в клуб – уходят недовольными лишь потому, что в клубе, кроме стен, – как они говорят, – ничего нет⁴³.

Осенью 1934 г. из-за отсутствия света здесь неоднократно срывались постановки спектаклей. Обращение представителей татарского населения в горсовет и гороно с просьбами помочь наладить культурно-массовую работу среди татар, обеспечить электричеством, средствами для проведения ремонта помещения, оставались без внимания со стороны властных структур⁴⁴.

В очередной раз в апреле 1938 г. собравшиеся на районное совещание рабселькоры выступили в поддержку татарского клуба, считая, что «руководители РОНО тт. Степаков и Лунин неправильно ставят вопрос о закрытии нацменского клуба». Селькор Ишмуратов отмечал по этому поводу:

Я считаю, что газета вполне правильно поставила вопрос о том, что клуб нацменов должен работать еще лучше и ни в коем случае не может быть закрытым⁴⁵.

Этот факт служил наглядным примером нарастающей тенденции снижения национальной полифонии в жизни касимовских татар. Немаловажным фактором уменьшения роли татарского языка в общественной жизни касимовских татар, проживавших вне моноэтничной среды, стало на наш взгляд, вынужденное дело-производство национальных сельсоветов и иных административных единиц на русском языке⁴⁶.

Советские праздники и ритуалы

Явными маркерами результатов культурной революции являлись новые формы, сценарии и символика входивших в социальную жизнь советских праздников, главным из которых стал День Великой Октябрьской социалистической революции, ежегодно освещаемый на страницах районной газеты. О праздновании десятилетия революции в с. Собакино Татарской волости газета «Красный Восход» сообщала:

6 ноября улица против избы-читальни украшена зеленью и революционными лозунгами: ждали приезда шефа. Представитель шефа, кооперативной ячейки, приехал 7 ноября. Докладчику предоставили неограниченное время: что сделано за 10 лет, как будем строить народное хозяйство. 7 ноября население путем добровольного сбора продуктов организовало семейный обед на 80 человек и после обеда вечер. На обеде присутствовали дети и взрослое население. Вечер проходил с пением, танцами и плясками, как татарских, так и русских танцев.

Говорили, что власть царя не давала возможности культурно и общественно развиваться деревне, особенно малым национальностям, в том числе и нам, татарам. А вот теперь мы собрались сюда праздновать 10-летие Октябрьской революции свободными, а не рабами. Мы сейчас радуемся за веселящуюся молодежь, потому что раньше мы этого делать не могли⁴⁷.

⁴² *Отпускник*. Татары без клуба // Красный восход. 1928. 19 июля.

⁴³ *Левитов*. Клуб им. Нариманова должен развернуть работу // Большевистский путь. 1933. 11 марта.

⁴⁴ *Абдуллина*. Дайте клубу свет // Большевистский путь. 1934. 10 октября.

⁴⁵ С районного совещания рабселькоров // Большевистский путь. 1938. 22 апреля.

⁴⁶ См. об этом: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 198. Л. 11–12.

⁴⁷ Красный восход. 1927. 24 декабря.

В праздничном нарративе ярко проявлялась мифологема, строившаяся на противопоставлении старого и нового. Выступавшие на одном из таких торжественных заседаний подлипкинско-го колхоза «Кзыл Юлдуз» также апеллировали к жизни до революции и после нее⁴⁸.

Спустя 20 лет сохранялся тот же высокий подъем в день празднования Октября, но напряженная международная обстановка накладывала свой отпечаток на ход праздника⁴⁹. В Торбаево в этот день через село прошла колонна осоавиахимовцев в противогазах. После приветствий для отряда было устроено чаепитие⁵⁰. Все значимые события культурной жизни подробно анонсировались на специальной татарской страничке районной газеты⁵¹.

Праздничный характер придавался мероприятиям, связанным с подготовкой и проведением выборов. Всенародным праздником для избирателей города и района стали выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Например, в с. Торбаево к избирательному участку на празднично украшенных повозках, с песнями приезжали празднично-настроенные люди из самого Торбаево, а также из соседних колхозов. В газете «Большевицкий путь» содержится следующее описание выборов в татарской деревне:

Первыми в помещение избирательного участка для получения избирательных бюллетеней вошли колхозник т. Бекбулатов Герей Надирович и колхозница Бердиева Айнус. Они получают избирательные бюллетени на своем родном татарском языке. Они первыми опускают в избирательные урны свои бюллетени. На их лицах нескрываемая радость⁵².

Новым явлением в татарских деревнях в 1920–1930-е гг. стали Международные дни юности (МЮД). В 1937 г. в честь XXIII МЮД в татарском с. Шилино было организовано собрание молодых колхозников и колхозниц. В рамках неофициальной части мероприятия организовывались семейные торжества, проводимые под общим лозунгом: «Ударно работать – культурно отдыхать». Очевидец событий писал:

После молодежного собрания, после товарищеского чая с обильными угощениями – пирожками, бляшиками, печеньем, конфетами – заиграла гармошка, завертелись пары танцующей молодежи. Вот молодые колхозники Захида и Ахмет Кашаевы под аплодисменты всей молодежи, исполняющей национальную татарскую пляску «дранка». Вот другая пляска – «тура», отлично исполненная Бибишевым, Кашаевым и Девишевым. А вот Ахмет Кашаев пляшет «туру» вместе с колхозником Измаилом Таканасевым⁵³.

В праздничном списке появились также День большевистской печати 5 мая, День Парижской Коммуны 18 марта, которые «отмечались» выступлениями в красных уголках, на совещаниях стахановцев и руководителей колхозов и сельской интеллигенции, созданием новых ячеек общественных организаций, например МОПР⁵⁴.

Недовольство сельчан вызывали приходившие с новыми праздниками и новые привычки среди молодых татар. Организованный 23 января 1930 г. комсомольцами с. Царицыно маскарад, где был буфет, а также «русская горькая», стал поводом для едкой заметки в районной газете⁵⁵.

⁴⁸ А.К. XXI октябрь в Подлипках // Большевицкий путь. 1938. 11 ноября.

⁴⁹ Бакеев У. Праздник встречаем с новыми успехами // Большевицкий путь. 1938. 3 ноября.

⁵⁰ Поход в противогазах // Большевицкий путь. 1938. 11 ноября.

⁵¹ *Ar-va*. Tatarbajda zur kicə bula // Большевицкий путь. 1936. 5 ноября. С. 4; *Virgazov*. Şəhərdəge tatar klubında // Большевицкий путь. 1936. 15 ноября.

⁵² М.К. Выборы в Торбаево // Большевицкий путь. 1937. 16 декабря.

⁵³ Кн. Г. Праздник в Шилине // Большевицкий путь. 1937. 9 сентября.

⁵⁴ День печати // Большевицкий путь. 1938. 5 мая; 25 колхозников вступили в ячейку МОПР // Большевицкий путь. 1939. 20 марта.

⁵⁵ С.З. Пьяный маскарад // Коллективист. 1930. 19 апреля.

Изучение материалов касимовской районной газеты за 1920–1930-е гг. показывает, что татарская проблематика находила на ее страницах широкое отражение.

Хотя татарская общественность в конце 1920-х гг. выражала недовольство слабой репрезентативностью статей о жизни татар, татарских селений, просила организовать кружки для селькоров для местного населения⁵⁶. Очевидно, что то обращение возымело действие: в 1930-е гг. достаточно регулярно стал появляться специальный вкладыш на латинице вплоть до 1939 г., пока алфавит не был сменен на кириллицу.

Выводы

Касимовские татары приняли основные идеи культурной революции, активно участвовали во всех ее преобразованиях, поддерживая становление советской культуры.

Вместе с тем они стремились развивать и собственную – национальную культуру, видя в ней важный фактор сохранения своей этноидентификации. Продолжая дореволюционные традиции, в районах расселения татар старались вести обучение на родном языке, несмотря на трудности материального, кадрового характера. Боролись за самостоятельное существование своего национально-административного образования в Касимовском уезде, тем самым сохраняя опыт и культуру управленческих практик. Осознавая всю сложность и отсутствие нормальных условий проведения общественно-культурной работы среди татар, уже в 1920-е гг. через создание музейной коллекции предприняли попытку коммеморации праздничной и повседневной культуры народа.

Поступила в редакцию / Submitted: 23.08.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.11.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2023

References

- Abyanov, R.V., and Safarov, M.A. *Teni Kasimovskogo khanstva* [Shadows of Qasim Khanate]. Moscow: Chitai Publ., 2021 (in Russian).
- Abyanov, R.V., Safarov, M.A. “‘Tatar faith.’ The image of Islam among the Russian population of the Ryazan region.” *Minbar. Islamic Studies*, no. 14 (2021): 310–334 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334>
- Akimov, V.V. *Kasimovskie tatar: mezhdru proshlym i budushchim* [Kasimov Tatars: between past and future]. Moscow: Veche Publ., 2004 (in Russian).
- Aksanov, A.V. “Kazanskoe i Kasimovskoe khanstvo [Kazan and Qasim Khanates].” In *Tatary*, 147–161. Moscow: Nauka Publ., 2017 (in Russian).
- Gordlevskii, V.A. “Elementy kul'tury u kasimovskikh tatar (iz poezdki v Kasimovskii uezd) [Elements of culture of Kasimov Tatars: (from a trip to Kasimov region)].” In vol. 10 of *Trudy Obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia*. Ryazan': Gostipolitografiia Publ., 1927 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. “Kasimovskie tatar [Kasimov Tatars].” *Tatarstan*, no. 1–2 (1994): 78–80 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. “Tatary kasimovskie [Kasimov Tatars].” In *Narody Rossii. Entsiklopediia*, 326–327. Moscow: BRE Publ., 1994 (in Russian).
- Kuftin, B.A. *Tatary kasimovskie i tatary-mishari Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. K voprosu vydeleniia oblastnykh tipov i sostavnykh elementov Volgo-Okskoi etnicheskoi kul'tury (Etnicheskoe naimenovanie i elementy zhilishcha)* [Kasimov Tatars and Mishar Tatars of the Central Industrial Region. On the issue of elucidating the regional types and constituent elements of the Volga-Oka ethnic culture (Ethnic name and elements of the inhabitation)]. *Kul'tura i byt naseleniia Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. Etnologicheskie issledovaniia i materialy*, 135–148. Moscow: [N.s.], 1929 (in Russian).

⁵⁶ *Джанбулатов*. Мало о жизни нацменов // Красный восход. 1929. 6 июня.

- Makhmutova, L.T. “Starinnaia obriadovaia pesnia u kasimovskikh tatar [An old ritual song among the Kasimov Tatars].” In vol. 2 of *Izvestiia Kazanskogo filiala AN SSSR*, 217–221. Kazan: Izd-vo Kazanskogo filiala AN SSSR Publ., 1957 (in Russian).
- Makhmutova, L.T. Nekotorye nabliudeniia nad leksikoi kasimovskogo govora tatarskogo iazyka [Some observations on the vocabulary of the Kasimov dialect of the Tatar language].” In vol. 2 of *Materialy po tatarskoi dialektologii*, 223–235 Kazan': Izd-vo Kazanskogo filiala AN SSSR Publ., 1962 (in Russian)
- Rakhimzyanov, B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). History essays]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2009 (in Russian).
- Safarov, M.A., and Seitov, E.M. “‘If the mosques open, who will visit them?’: Kasimov Tatars religious life in the 1943 on the basis of the data by G.P. Snesarev.” *Minbar. Islamic Studies*, no. 13 (2020): 330–348 (in Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2020-13-2-330-348>
- Savin, S.O. “Stolitsa kak tsentr gosudarstvennogo stroitel'stva – istoricheskaia pamiat' o stolichnosti Kasimova [The capital as a center of state building – historical memory of the capital Kasimov].” *Sravnitel'naya politika* 6. no. 4 (2015): 107–109 (in Russian).
- Sharifullina, F.L. *Kasimovskie tatory* [Kasimov Tatars]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1991 (in Russian).
- Simakov, K.M. *Ot bylogo do neskonchaemogo nastoiashchego* [From the past to the endless present]. St. Petersburg: [N.s.], 2017 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Альфия Габдулнуровна Галлямова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; alfiya1955@gmail.com; SPIN-код: 8335-8920; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>

Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova, Dr. Habil. History, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Department of Contemporary History, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin St, Kazan 420111, Russia; alfiya1955@gmail.com; SPIN-code: 8335-8920; <https://orcid.org/0000-0003-4344-902X>

Ильнара Ильдусовна Ханипова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; ihanipova@mail.ru; SPIN-код: 2258-5491; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>

Ilnara Ildusovna Khanipova, PhD in History, Senior Research Fellow, Head of the Department of Contemporary History; Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin St, Kazan, 420111, Russia; ihanipova@mail.ru; SPIN-code: 2258-5491; <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>